

ПОВЕСТЬ И. С. ШМЕЛЕВА «РОССТАНИ» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

«Росстани» можно отнести к потаенным страницам русской литературы, хотя она хорошо известна и неоднократно издана. Написанная в 1913 году, повесть знаменует новый поворот в творчестве Ивана Шмелева. Появление таких произведений, как «Росстани», «Весенний шум», «Виноград» и других, стало отражением общей тенденции, наметившейся в литературе «нового реализма». Художественное произведение начинает движение в сторону смягчения антропоцентризма: человек все меньше возвышается над миром природы, представляя связанным с ним и зависимым от него.

В период 1910-х годов выходит ряд философских работ, выдвигающих идею «живой жизни», непосредственного бытия, постигаемого в его целостности и яркости интуитивным путем. Это, в первую очередь, книга Р. В. Иванова-Разумника «О смысле жизни». «Цель жизни, — провозглашает он, — не счастье, не удовольствие, а полнота бытия, полнота жизни, <...> лишь бы человек страданиями тела и души сумел достигнуть широты, глубины и интенсивности своего существования»^{*1}.

Аналогичную мысль высказывает В. Вересаев в работе «Живая жизнь» (1911–1915): «Кто жив душою, в ком силен инстинкт жизни, кто «пьян жизнью», — тому и в голову не может прийти задавать себе вопрос о смысле и ценности жизни»^{*2}. Отсюда — могучий напор эмоций, блеск и чувственное очарование жизни в произведениях А. И. Куприна, И. А. Бунина, С. Н. Сергеева-Ценского, А. Толстого. Их творчество, перефразируя слова А. И. Куприна, — «восторженная молитва красоте мира, бесконечная благодарность сердца за радость существования».

В светской литературе едва ли можно встретить такое гармоничное и одухотворенное повествование о последних днях жизни человека и его уходе.

В ряду произведений о детстве и юности — Льва Толстого, И. Бунина, М. Горького, В. Г. Короленко — появляется повесть И. С. Шмелева, герой которой не начинает, а заканчивает свой жизненный путь. Но

доминирующим мотивом является не трагизм, не роковая неизбежность такого исхода, а светлое чувство единения с миром, «благостное растворение в общем». И. Шмелев описывает смерть человека как глубоко духовное событие для верующего человека — он передает не уродство, а красоту смерти, ее природность, естественность.

В своем герое — Даниле Степановиче Лаврухине — вышедшем из народных низов, писатель подчеркивает как бы стихийное праведничество. С одной стороны, это совершенно земной человек, купец, промышленник, с другой — смерть его по своей легкости и мгновенности напоминает успение, а послушница говорит о нем: «праведник помер, царство небесное»...

В противовес хищническим типам позднего Льва Толстого, Чехова, Горького, грубых эксплуататоров, «хозяев жизни», движимых темными инстинктами, Данила Лаврухин являет собой тип положительного хозяина, в котором интересы дела и стремление к прибыли гармонично уживаются со щедростью и благотворительностью, трезвый прагматизм — с религиозностью, эмоциональностью, богатство и высокое положение в обществе — с искренней и трогательной любовью к родному селу — Ключевой, в которую он стремится из душной Москвы, чтобы спокойно умереть.

«Нет, уж лучше в Ключевой помереть. Тогда, коли приведет господь помереть в летнюю пору, раздумывал он, понесут его, честь честью, сперва ельничком, потом березничком, полным орешника, берегом Соловьихи, лужками, поднимутся на горку, мимо скита. А тут и монастырь. И хорошо будут петь в лесу»^{*3}. Видение Данилы Степаныча, явившееся ему еще в Москве, осуществилось наяву, оказалось пророческим. Последний путь героя проходит в торжественном единении с природой. «Было солнечно, ярко, тихо. Когда вступили в еловый лесок, с запахом теплой сырости после дождя, одинокие голоса стали крепнуть, и казалось, что поют хорошо и стройно, как в пустой церкви. Тихие, грустные, стояли ели и слушали в полумраке. А когда пошел березняк, стало весело, зелено и прохладно»^{*4}.

Знаменательно, что это пророчество сбылось не только для героя, но и для автора. И. С. Шмелев в июне 1950 года стремится из Парижа в православный монастырь Покрова Божьей Матери, и, переехав в Бюсси-ан-От, расположенный в живописном месте, в 150 километрах от Парижа, в тот же день умирает. В день смерти, по воспоминаниям окружавших его близких, он переживает необычайный духовный подъем, много и вдохновенно рассказывает. Потом он захотел спать и поднялся в свою комнату, откуда вскоре раздался стук как от удара — вбежав-

шие застают писателя лежащим между столом и кроватью. В полном сознании он сказал: «Сдавило обручем сердце, не мог дышать. Упал» и попросил сделать укол камфары. Но впрыскивание не помогает. Через несколько минут И. Шмелева не стало. В воспоминаниях об этом последнем дне жизни его родные видят божий промысел, что эта легкая кончина произошла именно под кровом монастыря, под сенью благодати господней. Данила Степаныч, герой повести «Росстани», умирает при мысли о монастыре, когда Степан спросил его «Поедем в скит?» После этих слов он как бы очнулся, вздрогнул, и тут его постигает удар — «накатило, гулко лягнуло и задушило». Повесть соотносится с реальностью — писатель задолго до смерти выразил в ней свое тайное, возможно, безотчетное предвидение собственной кончины.

Возвращение Данилы Степаныча на родину очерчивает круг его жизни и смыкает старость с детством, последние дни с истоком жизни, с первыми впечатлениями бытия. Разбогатец, герой не оторвался от корней: он способен к искреннему восхищению природой, наделен исторической памятью, которая резко отличает его от городского слуги Степана, взятого им в Ключевую. Писатель использует прием контраста: описание красоты природы, ее жизненной силы и мощи сменяется описанием тихого монастырского кладбища, воспоминание о беззаботном детстве — тяжкими думами о старости, о потерях, бедах. Именины Данилы Степаныча плавно перетекают в поминки по нему (он умирает через несколько дней после своих именин). Этот легкий, почти неуловимый переход от жизни к смерти, от цветения к увяданию, от начала к концу — часть общей философии автора — свидетельство разумности всего живого, присутствия творца в вечном обновлении природы. Сцена смерти Данилы Степановича — это именно такой переход из бытия в небытие, передающий относительность понятий живого и мертвого.

«Арина нашла его на полу. Он лежал на правом боку *в солнечных пятнах* стеклянной стенки, и было похоже, будто он *высматривает что-то под столом* (выделено мной — О. Ш.). Ползали по его плечу и бороде мухи, ползали и по полу, взлетали и стучали по стеклам. И все еще звенела у потолка оса».*⁵. Человек умер, но жизнь продолжается, она неостановима и бесконечна, в свете этого смерть одного человека ничего не меняет. Ощущение смерти какuspения присутствует в таких ремарках: у покойного была «горячая голова как у спящего», Софья рассказывает, что только что видела Данилу Степаныча живым, как он радовался первым огурцам.

Похороны Данилы Степаныча совсем не похожи на печальную процессию, они сопровождаются восторженным ликованием цветущих

щей природы, напоминают скорее праздничное шествие. «И было похоже в солнечной роще, что это не последние проводы, а праздничный гомон деревенского крестного хода»^{*6}.

Язык писателя уникален — это чувствуется сразу, с первых слов любого произведения. Его палитра обогащена еще пятью дополнительными чувствами, которыми И. С. Шмелев воспринимает окружающий мир — ничто не ускользает от чуткого художественного слуха. Вслед за Сергеевым-Ценским Шмелев мог бы признаться, что «у него брачный союз с землей». В его поэтическом мире человек слит с природой в одно целое — жизнь людей вросла в жизнь природы, они существуют в едином ритме, меряются одними и теми же мерками — временами года, посевами и урожаями, дождями и засухами. Народ улавливает биение пульса природы — дает необыкновенно точные и поэтические названия тем местам, где они живут, как, например, «Ключевая». «И так было тихо, что, если выйти летним погожим утром и сесть на завалинке, ясно услышишь, как играют бегущие из-под берега ключи да плачет на дальнем конце ребенок.

У нас и росу слышать, — говорили на Ключевой»^{*7}. Тишина Ключевой — особый лейтмотив «Росстаней», они возникают в начале, середине и в конце повести и как бы окутывают произведение, придавая повести неповторимый колорит.

Семья Лаврухиных — это также часть природы, ветка, мощно разросшаяся на древе жизни, и Шмелев всячески подчеркивает это родовое, природное начало. Их объединяют общие черты лица, сложения, некая особенность, которая присуща только их семье — «широкие открытые лбы и носы луковицами, — добрые русские носы». Это сильное родовое начало, прочно укоренившееся на земле, оказывается не подверженным нигилистическим и революционным настроениям. Сын Николай — достойный наследник, уважающий и любящий отца, внук Сергей — студент коммерческого института — тоже, очевидно, пойдет по стопам отца и деда.

Если сравнить «Росстани» с ранней повестью И. С. Шмелева «Человек из ресторана», в которой описан распад семьи официанта Скороходова — сын уходит в революцию, жена от горя умирает, для дочери, стремящейся к свободе, тяга к эмансипации оборачивается личной драмой, — видна эволюция авторского взгляда, его отход от социальных мировоззренческих позиций. Действительно, картина гибели семьи, разрыва семейных уз типична для русской литературы эпохи «переоценки всех ценностей». Распадается семья купца Бессеменова в «Мещанах» М. Горького, отчуждение «отцов и детей» метафорически соотно-

сится у Чехова с гибелью «Вишневого сада», т. е. всего прежнего уклада жизни. В пьесе Л. Андреева «К звездам» революционно настроенная молодежь противопоставлена ученому отцу, предпочитавшему созерцание звездного неба участию в социальных потрясениях.

Однако И. С. Шмелев не может быть уподоблен андреевскому звездочету. Верный принципу правды, писатель не обходит тему социального неравенства, но рассматривается она не в антагонистическом ключе, значимость этой темы гаснет в свете других тем, выражающих общечеловеческие начала жизни и смерти. Передается это в сцене встречи старых друзей — Данилы Лаврухина и Сеньки Мороза. «И когда в первый раз опять встретились они, столкнулись через лужок слабыми взглядами и покивали друг другу, забылось как-то, что Данила Степаныч стал крепко богатым, что у его сына в Москве — все отдал сыну — большие дома и бани, что сын его ездит на автомобиле, и внуки пошли в образованные, а Семен Морозов все тот же, что получает он от Николая Данилыча за сорок лет службы по три рубля на месяц за попавшую в колесо на водокачке и измятую руку, что сын его служит при банях парильщиком, — вот уже двадцать лет моет народ и бегает по пальцу Николая Данилыча»^{*8}. Высказанная мысль О. Михайлова о том, что здесь, на родине, герой будто «очнулся», «поняв, что всю жизнь был обманут, и отдается бескорыстному, как в детстве, созерцанию природы и деланию добра», звучит как натяжка, как дань социально-редуцированному подходу. На самом деле в повести нет противопоставления прежнего и нынешнего Данилы Степаныча, напротив, ярко звучит тема тесной преемственности поколений. Поэтому в теме «отцов и детей» преобладает не общепринятый ложнопонимаемый смысл вражды поколений, а логика внутренних отношений разных семей, разных родовых кланов. И это понимают старые друзья — Данила Лаврухин и Семен Мороз, которых сначала разъединила жизнь, чтобы в конце опять соединить. «И обоим им не подумалось, а так, сказалось внутри, как понятное и бесспорное, что теперь те ходят там по своим дорогам, а сами они вот здесь, на старой лужайке, каждый у своего двора. И то хорошо, и это, и так нужно. И обоим им светит солнышко, и обоим поют скворцы, и оба идут к одному, равные и покойные, оставив позади свое беспокойное»^{*9}.

В бедности, как и в богатстве, угадывается божественный промысел, поскольку дается оно как награда за труды и ум. «Большие вы люди... бо-ольшие стались... Дал господь!» — говорит Семен. В понимании автора богатство — это не источник зла, а огромная ответственность перед людьми — строителями и подрядчиками, рабочими,

родственниками, простыми односельчанами. Не случайно вся Ключевая «кормится» лаврухинскими делами.

Вернувшись на родину, Данила Степаныч начинает словно новую, «третью жизнь», переживает духовный подъем и открывает для себя счастье доброты и милосердия. Поездка в скит к старцу Сысою — схимонаху и бывшему приятелю — Сергею Калюгину — поднимает его на новую духовную высоту. Наказ Сысою «творить милостыньку» оказывается для героя настоящим знаменем, заставившим задуматься о многом. «Думал, что вот готовится человек, важное у него есть свое, за жизнью. К этому-то важному и готовится. И стало ему грустно и тревожно. А он-то что ж не готовится? Тот уже давно готовится, тридцать лет...

— Господи, господи!»

Встреча с нищим стариком подтвердила знамение молчальника Сысою. Отношение к нищему Данилы Степаныча контрастирует с цинизмом и высокомерием Степана: «Не слышит, а деньги любит, — сказал Степан. Вовсе он оглушел! А вот тоже они, такие... ходят-ходят, а потом большие капиталы после них находят»^{*10}. А старик Лаврухин думал о нем с состраданием: «В чем душа, <...> Как-нибудь так и померет на дороге... Привалится под кустик и отойдет». Проявив милосердие к нищему, он решает передать свой дом под богадельню — «пусть такие живут». Посещение скита стало для Лаврухина откровением, приобщением к богу, после чего стал он «день за днем раскрывать свой большой кошелек и раздавать пятаки»^{*11}.

В сцене с монашками, которые едут читать под покойным Данилой Степанычем, звучит отповедь автора вульгарным адептам социальных доктрин. Монашка спрашивает, причастился ли усопший. Арина отвечает: «Какие уж у него грехи! Переболел все...». Степан сомневается и вспоминает слова Иисуса богатому начальнику: «Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство божие» (Лука. 18, 24), на что старушка монахиня отвечает: «А не нам знать, голубчик. — Сказано, буди милостив...»

В возражениях Степана слышатся отголоски носившихся в воздухе революций политэкономических теорий: «А вот известно, что никакой капитал не бывает от труда, а через разные причины... так что тут... очень трудно...

Господь в своем милосердии призывает каждого... Несть на лице зренья у Бога... — тоненьким голосом начала послушница». В этом споре полную победу одерживает христианское милосердие монашек, их кротость и слабость.

Неброская повесть без захватывающего сюжета несет глубокий смысл. Тихими ласковыми словами ведет Иван Шмелев свое повествование, которое охватывает многие грани русской жизни — жизни и быта крестьянства, купечества, рисует широкую общественную палитру — от беднейших слоев до богатейших. Не прибегая к отвлеченным философским рассуждениям, он затрагивает социальные темы. Из безыскусного описания быта деревни вырастает авторская философия жизни — «радости бытия». Быт таким образом поднимается до бытия.

Революционной деструктивности, проповеди насилия и ненависти писатель противопоставляет непреходящие ценности: любовь и сострадание, уважение к старшим, традиции, набожность, крепко слитую с народными языческими представлениями и суевериями. Идея, выраженная в повести, подтверждает слова Достоевского, что русский народ несет в своей душе Христа.

Шмелеву хотелось удержать этот наивно-патриархальный мир в последний благополучный для страны год. 1913 год — в который написана повесть — называют годом стабильности и расцвета России, когда она по многим экономическим показателям опередила европейские страны и вышла на первое место. Через год начнется империалистическая война, потрясая основы российской государственности и приблизившая октябрьскую катастрофу.

За год до великих потрясений Иван Сергеевич Шмелев слагает поэтический гимн этому уходящему миру, не веря в его конечность. «Так было, так есть и так будет» — пророчествует он устами своего героя, утверждая извечность, незыблемость вековых устоев. К сожалению, пророчества писателя не оправдались.

Возвращая и вновь открывая для себя имя гениального художника Ивана Шмелева, мы пытаемся восстановить этот разрыв в цепи поколений и верим, что мечты писателя о духовной и экономически процветающей России все же сбудутся.

Примечания

*1 Иванов-Разумник Р. О смысле жизни (Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов). Изд. 2-е. СПб., 1910. С. 291–292.

*2 Вересаев В. Живая жизнь. Ч. 2. Аполлон и Дионис. М., 1915. С. 131.

*3 И. Шмелев Повести и рассказы. М., «Художественная литература». 1983. С. 159. Дальнейшие цитаты приводятся по этому изданию.

*4 Там же. С. 209.

*5 Там же. С. 200.

*⁶ Там же. С. 209.

*⁷ Там же. С. 159.

*⁸ Там же. С. 163.

*⁹ Там же. С. 163.

*¹⁰ Там же. С. 190.

*¹¹ Там же. С. 191.